

Военное
детство

Л. КАССИЛЬ

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

с 1933 г.

Военное детство

Лев Кассиль

Дорогие мои мальчишки

Издательство «Детская литература»

1944

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кассиль Л. А.

Дорогие мои мальчишки / Л. А. Кассиль — Издательство
«Детская литература», 1944 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-007019-8

Трудно Капке Бутырёву: отец на фронте, мама погибла при первых налетах фашистов, Капка, как и многие его друзья, работает на заводе, а дома хозяйничают две сестренки. Трудно и юнгам, переведенным на Волгу из осажденного Ленинграда. Фашисты и здесь не дают им спокойно постигать морскую науку. Да что говорить! Всем трудно: война... А все же легче, когда вместе объединишься против врага. И помогают в этой борьбе Три Великих Мастера – Амальгама, Изобар и Дрон Садовая Голова. Перед читателем – удивительно светлая и жизнеутверждающая, полная веры в Победу повесть Л. Кассиля, написанная в 1944 году. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007019-8

© Кассиль Л. А., 1944
© Издательство «Детская
литература», 1944

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Абрамович Кассиль

Дорогие мои мальчишки

© Кассиль Л. А., наследники, 1944

© Ермолаев А. М., наследники, иллюстрации, 1944

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2023

*Светлой памяти
Аркадия Петровича ГАЙДАРА*

Глава 1

Тайна страны Лазоревых Гор

Так как в своей жизни я сам не раз открывал страны, которых не нанесли на карту лишенные воображения люди, то меня не слишком удивило, когда мой сосед по блиндажу, задумчивый великан Сеня Гай, признался мне, что открыл Синегорию – никому не ведомую страну Лазоревых Гор. Там он и свел дружбу с прославленными Мастерами-синегорцами Амальгáмой, Изобáром и Дрóном Садовая Голова.

С техником-интендантом Арсением Петровичем Гаем я познакомился на краю света летом 1942 года, когда плавал на Северном флоте. Гай был здесь синоптиком одного из военных аэродромов Заполярья, пожалуй самого северного авиационного стойбища мира. Место это обозначено на карте, но нам от этого было не легче. Мы бы скорее предпочли, чтобы немцы считали, будто этой маленькой каменистой площадки, острозубых скал и мшистых сопок вообще нет на свете. Может быть, нас тогда оставили бы в покое...

Полярный круглосуточный день не давал нам ни сна, ни отдыха. Нас бомбили с утра до вечера, а утро в этих краях началось недель пять назад и до вечера надо было ждать еще не меньше трех месяцев. Раз по десять в сутки нам приходилось залезать в щели, а над головой взлетали обломки расколотых валунов, градом сыпались пластинки шифера.

По сигналу «воздух!» Сеня бросался снимать с маленькой вышки полосатую матерчатую колбасу – длинный сачок для ловли ветра, – хватал термометр и еще какие-то приборы, и всегда бывало так, что являлся он в укрытие последним, когда все уже кругом ухало, трещало и сыпалось.

– Сегодня, кажется, дают на все двенадцать баллов, – негромко ворчал он и, роясь в каких-то прихваченных им бумажках, тихонько мурлыкал про себя песенку, которую я уже не раз слышал от него:

И если даже нам порой придется туго,
Никто из нас, друзья, не струсит, не соврет.
Товарищ не предаст ни Родины, ни друга.
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Я знал, что Сеня Гай между делом пишет стихи. И вообще мне было известно о нем все, что может быть известно о человеке, с которым уже две недели живешь в одном блиндаже. А с Гаем мы быстро сошлись. Оба мы были волжане и наверняка знали, что нет на свете реки лучше, чем наша Волга. До войны Арсений Петрович Гай изучал направление и особенности ветров в волжском низовье, где летом всегда дует горячо и засушливо. Был он прежде учителем в средней школе, потом работал с пионерами. Он мог часами рассказывать увлекательнейшие вещи о погоде, о засухе, об изменчивых течениях воздуха. Он знал все ветры наперечет и обычно свой рассказ заключал фразой: «Мы всё еще изучаем направление ветров, а задача состоит в том, чтобы повернуть их». И, сказав так, он снова брался за свои кальки, планшетки, карты и вычерчивал какие-то сложные кривые, напевая под нос:

Отца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага – наш девиз, – Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

– Это о каком же таком девизе вы распеваете, Сеня? – спросил я однажды у него, когда мы лежали рядом в укрытии и треск зениток, уханье бомб стихли настолько, что можно было уже разговаривать.

– Это в нашей Синегории... Ну, кажется, отбой. Пойду шар-зонд запущу, верхние слои прошупаю.

Так я впервые услышал о синегорцах. Естественно, мне захотелось узнать больше. Однако, когда я пробовал расспрашивать Гая, этот большой, широкоплечий, гро моздкий человек со свежим мальчишеским лицом смущался, отнекивался, обещал каждый раз рассказать при случае все подробно, но откладывал дело со дня на день.

Меня очень влекло к Арсению. Я чувствовал, что ласковая и веселая тайна Гая очень дорога ему, и был осторожен в расспросах, не торопил, не настаивал. Срок моей командировки на Север истекал, пора было собираться в Москву, но мне было жаль расставаться с Гаем: я очень привязался к нашему синоптику. Если выпадали свободные часы и не было налета, мы бродили с ним по сопкам, лазили на скалы, пугая птиц. Гай показывал мне места, где весной бывают птичьи базары, определял по положению валунов направление древних ледников, рассказывал об особенностях полярной карликовой березки-стланки и оленьего мха ягеля, в котором глохли наши шаги. Гай много знал и умел обо всем рассказать по-своему, неожиданно; все вокруг – и мох, и валуны, и облака открывали ему свои секреты, и казалось, что даже нелюдимая природа Заполярья доверяет Гаю и считает его своим человеком.

Ему часто приходили письма. Я видел на конвертах старательно выписанный адрес: «ВМПС № 3756-Ф» – и заметил раз в уголке одного письма что-то вроде герба, никогда не виданного мною ни в одной геральдике: по светлому полю выгибалась радуга, и ее пересекала стрела, повитая плющом.

Однажды пришел Гаю подарок – кисет и маленькое скромное зеркальце с крышечкой, как у блокнота. И на кисете и на крышке был тот же герб со стрелой и радугой. А вокруг герба было выведено нечто вроде девиза: «Отвага, Верность, Труд, Победа».

– Вот, – сказал Гай, давая мне полюбоваться подарком, – не забывают меня у Лазоревых Гор. Синегорцы – народ верный. Это, конечно, Амальгама сообразил... Синегорчики мои дорогие! – И он улыбнулся скрытно и застенчиво.

Потом осторожно отобрал у меня зеркальце, погляделся в него, потер коротко стриженную голову и, заметив, что я хочу что-то спросить, опередил меня.

– Ладно, ладно, – сказал он, – расскажу. Придет время – и расскажу.

Он, видимо, хотел поближе узнать меня и пока не считал еще достаточно созревшим, чтобы делить со мной свою тайну. Но я после этого разговора немножко осмелел и, когда Гай снова получил письмо, уже сам спросил:

– Ну, что в Синегории слышно? Как поживают сине-горцы и этот... как его... Альбумин?..

– Амальгама, – чуть усмехнувшись, но тотчас снова став серьезным, поправил меня Арсений.

– Нет, правда, откуда же это письмо и кисет?

– Из Синегории... Откуда же еще?

И лишь в день моего отъезда, когда я уже завязывал свой рюкзак, Арсений Петрович, закончив составление сводок всем, кто заказывал погоду, сказал мне:

– Улетаете сегодня?.. Ну что ж, хотите, я расскажу вам напоследок? Только, чур, не перебивать меня. Хотите слушать, так уж слушайте и принимайте все на веру...

Мы сидели с ним у землянки, где помещалась метеостанция. Ночью сильно штормило. Море в заливе было темно-сиреневое после дождя и не совсем еще уходило. Радуга гигантской семицветной скобой охватила небо, одним своим полупрозрачным концом слегка врѣзалась в горизонт и казалась потому совсем близкой. Истребители прошлись под радугой, как под

огромной воздушной аркой. В капонирах¹, сложенных из камней, укрытые ветвями, притаились самолеты-штурмовики. Под навесом с маскировочной сеткой летчики играли в «козла» и громко стукали о стол. Они играли молча и только крякали, когда с размаху выкладывали подходящее очко. В одной из ближних землянок запустили патефон. Песня была про золотые горы, про реки, полные вина, которые певец отдал бы за чей-то ласковый взор, – на́, бери все, не жалко, только люби... И оба мы – Арсений и я – вздохнули вместе, хотя и каждый о своем.

– Ну ладно, – начал Арсений, – давайте расскажу.

¹ Капони́р – оборонительное сооружение для ведения огня в двух противоположных направлениях.

Глава 2

Сказание о Трех Мастерах

– Была некогда такая страна – Синегория, – начал свой рассказ Гай. – И там, у Лазоревых Гор, жили работающие и веселые люди – синегорцы. Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза. Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипроквб, живут Три Великих Мастера – славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова! Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник. Дрон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжелые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина. Но больше всех синегорцы любили Великого Мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте. Причем тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось наконец пробиться на корабле к берегам Синегории. Но, когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали легкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака трепал и рвал одежду людей. А люди шли сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мёл сухие листья по испорошенной земле, и ниоткуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной визг слышался отовсюду.

Это гремели, крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

«Что произошло у вас?» – спросили у жителей озадаченные путешественники.

«Разве вы не знаете?» – отвечали им. – Нас разорили ветры... Все пошло на ветер».

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон.

Король Фанфарон был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранченный в пух и прах и в конце концов пустил все свое состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король болтун и что ни скажет – всё на ветер. И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон – самый подходящий для них, самый ветренный в мире король. Они слетелись на остров и стали уговаривать Фанфарона:

«Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о король, мы раздуем твою славу на весь свет?»

«Дуйте!» – сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгера, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону. Специально назначенные королем начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди не закрывали выюшками трубы своих очагов. Король окружил себя ветродуями и ветреницами. Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный Ветрочёт, хитрый Жилдабыл, продувная бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Веера и высшим отличием – «Розой Ветров».

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров. Дрону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики. Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера – ничего больше. А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его. Ветры же ненавидели вообще всякие стекла, потому что они мешали дуть в окна.

А злой, алчный Жилдабыл запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушили их ветры. И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты, заста вили теперь быть поставщиком мыльных пузырей. Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри, а Мастер Амальгама знал секреты особых составов. Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные. Они взлетали высоко и лопались не сразу. Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу...

Глава 3

Зеркало и ветры

Гай прервал свой рассказ и вынул из кармана трубку. Я тоже достал свою, угостил Гая морским табаком – «капитанским». Мы закурили. И Арсений Петрович продолжал:

– Тяжелые времена настали в Синегории. Злые ветры иссушили поля и сады; где шумели прежде леса, там теперь громоздился бурелом, где благоухали розы, все заросло бурьяном и трин-травой. Только ветры были в трубах да гремели жестяные флюгера. А король пускал мыльные пузыри, слушал, как верещат на крышах вертушки да рвякают духовые оркестры, и любовался облетающими одуванчиками.

Тем временем у Дрона Садовая Голова выросла дочь Мельхиора, в тысячу раз более прекрасная, чем самая лучшая лилия, которая когда-то украшала цветники Дрона.

И ясноглазый Амальгама, томившийся в сумрачном замке, полюбил ее. Глаза Мельхиоры напоминали ему радугу, смех ее похож был на хрустальный звон лучей, отраженных зеркалом.

И девушка тоже полюбила Мастера за его лучистые глаза, за светлую голову и солнечный нрав. Дрон Садовая Голова скрывал дочь от короля, но сквозняки пронюхали об этом и донесли Фанфарону.

«Фью-фью! – присвистнул Фанфарон, увидав, как прекрасна Мельхиора. – Я и не знал, что старый садовник утаил от нас свой лучший цветок... Почему бы твоей дочке не стать моей придворной ветреницей?»

Красавица в ужасе отшатнулась от жадного урода.

Король понимал, что Мельхиора никогда не полюбит его, и потому пустился, по совету Жилдабыла, на хит рость. Он знал, что во дворце нет ни одного зеркала, Мельхиора никогда не видела своего лица и даже не по дозревает, как она хороша. И Фанфарон приказал всем, кто окружал прекрасную дочь Дрона Садовая Голова, говорить ей, что она чудовищно уродлива. Отныне придворные, встречая Мельхиору, отворачивались якобы от ужаса и омерзения, а король пользовался каждым удобным случаем, чтобы сказать ей:

«Видишь, как я добр! Я, король, могучий повелитель Ветров, предлагаю тебе свою любовь и зову тебя стать моей ветреницей. Смотри, все отворачиваются от тебя – так ты безобразна. Но у меня доброе сердце, я помню заслуги твоего отца и не брезгаю тобой. Соглашайся же, быть может, я сделаю тебя королевой».

Но Мельхиора продолжала упрямо отвергать любовь короля.

«Неужели я так безобразна? – в тоске спрашивала она у Амальгамы. – Как же ты полюбил меня?»

«Ты прекрасней всех на свете, поверь мне, – говорил ей Амальгама, – и я готов повторить это где угодно, хотя бы ветры и разорвали меня за такие слова. Ах, если бы у меня было хоть одно из моих зеркал, я бы дал тебе поглядеть в него, и ты сама не могла бы насмотреться на себя!» Но Мельхиора нигде не могла увидеть своего лица. Когда она выходила на улицу, король приказывал ей закрывать лицо покрывалом, чтобы народ не пугался ее уродства. «Взгляни в мои глаза, – говорил ей Амальгама. – Разве ты не видишь, как ты хороша?»

«Нет, – отвечала Мельхиора, – я вижу в твоих глазах только любовь, которая заслоняет все и так же слепит меня, должно быть, как и тебя, и больше ничего не вижу».

«Тогда пойди к пруду и посмотришь в него – вода скажет тебе правду!» – воскликнул Амальгама. И прекрасная Мельхиора побежала к пруду. Она наклонилась над его зеркальной поверхностью и стала смотреть на свое отражение. Но один из ветров тотчас же прилетел сюда и принялся дуть на воду. Зеркало воды зарябило, и прекрасные черты Мельхиоры безобразно исказились. Она в ужасе отпрянула, закрыв лицо руками. «Да, король прав, я действительно

уродлива до крайности. Должно быть, Амальгама полюбил меня только из жалости». Однако ей захотелось еще раз и окончательно убедиться в своем безобразии.

«Если я так уродлива, ваше величество, – сказала она королю, – то почему бы вам не помочь мне самой убедиться в моем уродстве? Разрешите Мастеру Амальгаме изготовить лишь одно, хотя бы самое маленькое, зеркало».

Король не знал, что ответить. Он был не очень-то умен и догадлив, этот повелитель Ветров. Но хитрый Жилдабыл опять подсказал ему совет.

«Заставь его отлить неверное стекло, – сказал Ветрочёт королю. – Пусть она полюбуется на себя в кривом зеркале».

Король позвал Амальгаму и сказал:

«Говорят, что ты очень скучаешь без своих стекол, Мастер. Я разрешаю тебе отлить одно зеркало, но только это зеркало должно быть кривым, и каждый, кто взглянет в него, пусть увидит себя в самом смешном, непривлекательном виде. И чем красивее человек, тем пусть страшнее выглядит он в зеркале. Пусть нос его перекосится и встанет поперек лица, глаза вылезут на щеки, рот расплывется до ушей, а уши повиснут, как у собаки».

«Нет! Никогда! – отвечал Амальгама. – Мои зеркала не могут кривить душой перед лицом истинной красоты».

Король разъярился:

«Ты посмел ослушаться моего приказа! Ты хочешь попасть в вентилятор?.. Эй, ветродуи! Взять его!»

«Погоди... Сперва дай мне подумать», – сказал Амальгама.

Он помолчал несколько минут, потом, словно решившись и глядя своими ясными глазами в лицо короля, промолвил:

«Ладно, пусть будет по-твоему, я сделаю такое зеркало».

«Но не вздумай хитрить, – предупредил его король. – Сперва я сам взгляну в зеркало и проверю его на себе».

Амальгама пошел к себе в мастерскую, раздул огонь под горном, поставил тигель. Он отливал стекло три дня и три ночи. Еще три дня и три ночи гранил и шлифовал его. И он изготовил зеркало, лучше которого никогда еще не делал. Потом он доложил королю, что работа готова. Король посмотрел на зеркало сбоку и сказал:

«Я не замечаю, чтобы поверхность его была кривой».

«В этом-то и весь секрет, ваше величество, – ответил Амальгама. – С виду это обыкновенное стекло. Не угодно ли посмотреться в него?» Король взглянул на себя в зеркало, и так как был он несказанно безобразен, но уже много лет не видел себя в зеркале, то захохотал от восторга:

«Ты молодец, Мастер, я награжу тебя знаком Опахала! Ну и коверкает же человека твое зеркало! Смотри – нос поперек лица, глаза вылезли на щеки, рот растянулся до ушей, и уши висят, как у собаки. Слава богу, что это лишь кривое зеркало».

И, уже ничего не опасаясь, Фанфарон приказал явить ся Мельхиоре.

«Я выполнил твою просьбу, Мельхиора, – сказал король. – Вот самое правдивое зеркало, его сделал твой друг Амальгама. Взгляни в него и согласишься, что я говорил тебе правду». – Так сказал король посмеиваясь.

Но едва Мельхиора взглянула в зеркало, она отшатнулась и закрыла рукой глаза, не сразу поверив им.

«Теперь, надеюсь, ты убедилась, какова ты?» – спросил довольный король.

«Да, теперь мне известно, какова я», – тихо произнесла Мельхиора и снова приникла к зеркалу, не в силах оторваться от него.

«То-то же, – сказал король. – Ну, теперь ты не будешь больше упрямиться».

И, повеселев, король позвал придворных и велел им всем глядеться в зеркало.

Министры и вельможи, ветродуи и начальники Печной Тяги смотрелись в зеркало и отплевывались:

«Ну и рожи у нас получаются в этом стекле!» Им и невдомек было, что Амальгама изготовил зеркало совершенно прямое и верное. Только хитрый Жилдабыл заподозрил что-то неладное. Он схватил зеркало, внезапно поднес его к лицу Амальгамы и увидел, что Мастер отражается в стекле таким же ясноглазым, каким он был на самом деле.

«Смотрите, ваше величество, – завопил Жилдабыл, – негодяй обманул вас! Он изготовил зеркало с коварным свойством: наши лица и прекрасный лик самого короля стекло уродует, а лица Мастера и этой упрямцы оставляет неискаженными».

«Ну, не миновать теперь тебе вентилятора!» – сказал Мастеру взбешенный король. Он хватил зеркалом о каменный пол с такой злобой, что стекло брызнуло во все стороны, и стал топтать осколки.

Королевские ветродуи схватили Амальгаму. Его бросили в темный подвал, куда не проникало ни искорки света.

На другой день ослушника судил Совет Ветров.

«Признаёшь ли ты себя виновным?» – спросил король.

«Я виновен только в том, – гордо отвечал Мастер, – что всю свою жизнь не искажал прекрасного, не скрывал уродства, не льстил безобразию и говорил людям правду прямо в лицо».

«В вентилятор его!» – закричал король.

«В вентилятор!» – повторили ветры.

Это была самая лютая казнь.

Амальгаму заключили в высокую башню одной из стен замка. Казнь была назначена на утро.

Глава 4

В поисках Синегории

Гай замолк.

– Что же случилось дальше? – спросил я нетерпеливо.

– Прекрасная Мельхиора... – начал было Арсений.

Но тут сигнальщики закричали: «Воздух!» У командного пункта взвыла сирена. Под навесом посыпались со сто ла кости домино. Румяная подавальщица Клава промчалась мимо нас к щелям укрытия, опережая всех. – Клабочка, самовар поспел, бежит! – крикнул кто-то из летчиков. Клава выскочила из укрытия, схватила горевший яркой медью самовар – гордость аэродромной столовой – и, как ни фыркал он, как ни плевался, утащила его под скалу.

Немцы шли от солнца. Крылатые тени ударили нас по глазам. Ды-ды-ды-ды!!! – оглушительно зачастили счетверённые пулеметы. Даранг-даранг-даранг! – задергались скорострельные зенитки.

Мы едва успели добежать до щели, как над нами, переходя с тонкого свиста на тошнотворный вой, что-то просверлило воздух и, покрывая все тяжким, стопудовым обвалом, ахнулось оземь на аэродроме. Потрясенная округа долго не могла прийти в себя, и каждое ущелье спешило скорее сбить подальше этот ужасный, не вмещающийся в мире гром. Только мы подняли головы, как земля снова судорожно забилась под нами, и стало темно от взброшенных к небу камней. И в эту минуту я увидел, как Арсений Гай вскочил и, сгибаясь, побежал к своей землянке.

– Я сейчас... термометр снять... – Ложись!.. Поздно... Бомба рассадилась до основания скалу возле метеорологической станции. Когда мы подбежали туда, на мху и расщепленных бревнах блестели капли ртути. Я бросился на колени, подвел руку под тяжелое, большое тело Гая, лежавшего ничком, повернул его лицом к себе.

Он посмотрел на меня словно очень издалека, губы его разжались, но зубы оставались стиснутыми, и сквозь зубы, чуть слышно, он проговорил:

– Если доведется... встретите если... зеркало...

Он попытался нашарить карман на груди, но пальцы у него свело, и рука на полпути вывернулась ладонью вверх. Я осторожно вынул у него из кармана гимнастерки зеркальце, раскрыл, приложил ко рту Арсения. Стекло не замутилось. Зеркальце оставалось ясным. И говорить больше было не о чем.

Злой ветер, мы знаем, из какого гнезда прилетел ты, злой, черный ветер, чтоб унести на своих желтым крестом меченных крыльях жизнь нашего синоптика... Комкая в стиснутых кулаках пилотки, молча стояли вокруг летчики и бойцы батальона обслуживания. Тихо плакала, уткнувшись в передник, подавальщица Клава. А полярное бессонное и немигающее небо смотрело сверху на нас, и все окрест было таким же, как и пятнадцать минут назад. Но мне показалось, что и море, и сопки, и скалы – все, что было перед этим таким знакомым, теперь облеклось в сумрачную тайну, которую нам было уже не разгадать без нашего Гая.

В разбитом блиндаже все было искромсано и опалено. Я нашел лишь обрывок начатого письма:

«Привет вам, славные синегорцы, привет тебе, прилежный Изобар, здравствуй, солнечный Амальгама, добрый день, Дрон Садовая Голова. Как живете, дорогие мои ма...»

Мы похоронили Арсения Петровича Гая на вершине одной из сопки. Могилу подкопали под большим валуном, похожим на дремлющего белого медведя. Камень, выбранный нами в надгробье Гаю, был надежным: никакая фугаска не свернула бы такую машину. Клава обложила

могилу серебристым мхом ягелем. На валуне большими буквами написали: «Арсений Петрович Гай». А я нарисовал на камне герб страны Синегории: радугу и стрелу, повитую плющом.

Я срисовал это с треснувшего зеркала, которое взял себе на память об удивительном человеке Арсении Гае и тайне его, которую он унес с собой в могилу.

Через час мне пришлось улететь. С тяжелым сердцем покидал я аэродром, где остался лежать под каменным белым медведем Сеня Гай – добрый великан из страны Лазоревых Гор. Так и не узнал я, что же стало с Мастером Амальгамой и красавицей Мельхиорой.

Потом я вернулся в Москву, занимался своими делами, но у меня не выходил из головы Арсений Гай и его рассказ, конец которого я не успел дослушать. Мне подумалось, что надо будет рассказать об этой истории по радио, и тогда, может быть, откликнутся люди, знающие, где находится Синегория и как найти мне славных Мастеров. Сделать мне это было нетрудно. Я работал на радио и раз в месяц собирал за Круглым Столом разных интересных людей. Тут были и знаменитые артисты, и герои-воины, и прославленные мастера заводов, и известные писатели. И каждый рассказывал у микрофона что-нибудь занятное, интересное. И вот я тоже рассказал однажды об Арсении Петровиче Гае и о трех его неведомых Мастерах из страны Лазоревых Гор.

Не прошло и недели, как я получил письмо из волжского города Затонска:

«Уважаемый Председатель Круглого Стола! Добрый день!

Привет Вам от синегорцев Рыбачьего Затона. Мы слышали передачу, как Вы говорили по радио о нашем славном родоначальнике товарище Гае А. П., который пал смертью храбрых на фронте. Мы знаем дальше о Трех Мастерах. Если, конечно, это Вас интересует. Приезжайте к нам в Затонск.

Мы еще можем сообщить Вам много всего для рассказов за Круглым Столом. Только не забудьте захватить то зеркальце.

Отвага, Верность, Труд, Победа!

По поручению синегорцев – *Амальгама*. (Подпись и герб синегорцев.)

Обратного адреса в письме не было, других подписей также не оказалось. И я подумал: уж не подшутил ли кто надо мною?..

Недавно я был на Волге, в своих родных краях. У меня выкроилось немного свободного времени, и я решил съездить на денек в Затонск. Сойдя с парохода, я отыскивал дом для приезжих. Конечно, комнат свободных не было. Мне дали койку в номере на несколько человек. Я оставил чемодан и пошел в горсовет, чтобы узнать, где находится Дом пионеров; там уж наверное слышали об Арсении Петровиче, и я, может быть, выяснил бы все, что мне требовалось. В горсовете мне дали нужный адрес, но сказали, что пионеров я застану позже, пообещали к вечеру устроить отдельный номер в гостинице, а пока что я решил погулять по городу.

Городок был небольшой и всем обликом своим очень напоминал тот, в котором я сам вырос. И, хотя я был в Затонске первый раз, мне все казалось тут уже знакомым: и пески на Волге, заросшие ивняком, меж ветвей которого с легким звоном ветер нес песчаные струйки, и акации вдоль кирпичных тротуаров, и горбатые землечерпалки в Затоне, и базар с каланчой.

Лазоревых Гор я нигде не заметил. На левом берегу Волги вообще горы встречаются редко – луговая здесь сторона. А ветер действительно дул не унимаясь, горячий, сухой ветер Заволжья.

Когда я вернулся к себе, мой сосед по комнате, сидевший на своей койке, роясь в толстом портфеле, сообщил, что мне есть письмо. Я увидел на своей подушке хитро сложенный ромбиком пакетик и, развернув его, прочел:

«Синегорцы знают, что Вы прибыли, и приветствуют Вас в своем городе.
Добрый день, с приездом. Отвага, Верность, Труд, Победа!
Привет, Амальгама»

И внизу стоял значок синегорцев – оплетенная выюнком стрела, положенная на радужный лук. Я утомился с дороги и лег вздремнуть. Когда я проснулся, внимание мое невольно привлекло что-то, настойчиво мелькавшее по потолку. Я поднял глаза кверху и увидел светлое радужное пятнышко, оббегающее карниз комнаты, прыгающее на потолок и снова соскальзывающее на стены. Сперва я не придавал этому никакого значения, но потом зайчик заинтересовал меня. Я заметил, что он делает правильные круги по потолку и останавливается на запыленной люстре, висюльки которой вспыхивали при этом красными, фиолетовыми, оранжевыми и зелеными огоньками. Слегка задержавшись на хрустальных подвесках люстры, зайчик снова прыгнул на стену.

Я встал с постели и выглянул на улицу. Зной плыл над ней. Запыленная трава пробивалась сквозь унылый булыжник, и против окна, на другой стороне улицы, стоял под акацией паренек в пионерском галстуке с толстой папкой под мышкой. Увидев меня, он отдал салют, потом показал мне издали что-то красное, сверкнувшее у него в руке, спрятал этот предмет в карман и снова отсалютовал. – Это ужас глядеть, до чего дети распустились! – проворчал мой деловитый сосед, приподнявшись на своей койке. – Буквально драть бы следовало, да некому... Я вот тебе! – погрозил он в окно. – По твоему возрасту люди в настоящее время знаешь уже какие дела делают? А ты в кошки-мышки балуешься. Еще пионер...

Мальчуган, словно бы не слушая его, смотрел на меня во все глаза. А глаза у него были огромные; казалось, что от них самих сейчас побегут солнечные зайчики. Я крикнул ему из окна:

– А ну, довольно там тебе мешком солнышко ловить! Так, что ли, в песенке поется? Заходи!

Мальчишку словно ветром сдуло. Затопали, застучали внизу деревянные стукалки-сандалии, и я еще не успел дойти до двери, как за ней раздалось:

– Можно?

– Прошу пожаловать.

Вошел мальчик, небольшой, очень худенький, но стройный, светлоглазый, в выгоревшей тюбетейке на макушке.

– Здравствуйте. Это я вам сигналил.

– Что же это ты мне сигналил?

– Вызов давал. – И он внимательно, испытующе посмотрел мне в лицо. Затем продолжал чуточку с недоверием: – А разве вы сигнал не знаете, у вас нет с собой зеркала?

Тогда я что-то понял и предъявил свое заветное зеркальце.

– Значит, Отвага и Труд? – сказал я.

– Верность и Победа! – откликнулся он.

– Так это ты мне писал?

– Я, – сказал он, чуть покраснев, но продолжая глядеть мне прямо в глаза.

– Стало быть, ты и есть Амальгама?

Он кивнул головой:

– Я тоже. Но только вам Арсений Петрович про другого говорил. Вот тут все написано. – И он протянул мне большую папку, завязанную тесемочками. На ней красовался цветной герб синегорцев.

Я развязал папку, открыл ее и на первом листе прочел крупный заголовок:

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАТОНСКА

Составлено Валерием Черепашкиным,

учеником 5-го «А» класса средней школы г. Затонска.

«В окрестностях нашего города было всегда полно не-ископаемых сокровищ», – прочел я далее и перевернул страницу. Мне бросились в глаза строки: «По-моему, кто не любит свой город, где сам родился и вырос, так городá, где другие родились, он совсем уж не полюбит. Что же он тогда, спрашивается, любит на земле?» Обратил я внимание еще на одно место, подчеркнутое внизу той же страницы:

«Великие люди из нашего города пока еще не выходили, но, может быть, они уже родились и живут в нем».

«Кажется, недаром приехал я сюда», – подумалось мне.

И я не ошибся. Действительно, я провел в Затонске не один день, а целых двадцать. Я выяснил не только, чем кончилась история Трех Мастеров, но узнал еще очень много интересного. Обо всем этом я написал в повести, которая и начнется, в сущности, лишь со следующей главы, называющейся:

Глава 5

Утро делового человека

– Капка!

Капка не шевелился.

– Капка, время уже...

Он не отзывался. Ему было не до того. Он ничего не слышал. Лёшка Дульков был перед ним, долговязый Лёшка, по прозвищу Ходуля, и его следовало проучить раз и навсегда, чтобы знал, чтобы помнил. Да, раз и навсегда!

«Но-но, легче! Не имеешь права физически!» – сказал Лёшка, отодвигаясь.

«А дело делать на шалей-валей у тебя есть право? Манкировать² у тебя откуда право взялось? Я тебя отучу манкировать!» Манкировать – это было новое модное словечко у мальчиков Рыбачьего Затона.

«Я не манкирую, – сказал Лёшка. – Сами брак даете, а Дульков отвечает. Тоже не разговор».

«Нет, ты скажи, совесть у тебя имеется? По твоей милости мы с *самолета* на *паровоз* перешли. А сейчас нас на *велосипед* пересаживают, на общий смех. Так и до *улитки* недалеко!» «Можешь словами высказываться, а насчет рук – это оставь, говорю. Ну, слышь, Бутырёв?..» Капка ударил левой. Он был левша, и это было его преимуществом в драке. Противник не ожидал удара с этой стороны. Ходуля покачнулся и сказал:

«Не имеешь полного права! Попробуй только еще раз!» Капка попробовал еще раз. Хорошо ударил, сильно ударил. Все видели: он маленький, а не боится длинного.

– Капка, время! – кричала ему в ухо сестра Рима и тормошила его.

Он не слышал, он ничего не слышал. Он расправлялся с Лёшкой, этим лодырем Лёшкой, этим всем надоевшим, все дело портившим Лёшкой.

«Что, получил? На еще! Мало? На! Будешь? Прими за это! Сыт?» Он услышал, что сестра подсказывает что-то насчет времени.

Да, такое время, а этот Лёшка срамил всех ребят. И вот вчера они еще были на щите в первой графе, на *самолете*, а сегодня уже по вине Лёшки еле держатся на *паровозе*, а того и гляди, их перенесут в пятую графу, под *велосипед*.

– Капитон, довольно тебе, хватит спать! Время уже.

– А ну тебя, Римка, вот пристала!.. Уйди. Мм... Вот как встану, да...

Все стало уплывать куда-то вбок, порвалось, как в кино, когда происходит обрыв ленты.

Капка открыл один глаз. Над ним склонилась старшая сестра Рима.

– Уйди, Римка, уйди ты!.. Всегда ты доглядеть толком не даешь! Видишь, человеку снится чего-то, можешь обождать!

Капка со злостью посмотрел на сестру одним глазом и попробовал открыть второй. Но глаз не открывался. Вот еще неприятность! Это все вчерашняя история. Конечно, это он подстроил, Лёшка. Парни со Свищёвки сами бы не полезли.

Да, дело было совсем не так, как сейчас при снилось. Еще бы: он был один, а их трое.

Капка отвернулся от сестры и украдкой пощупал глаз.

Эге, вот так гуля! Здорово запух. Наверно, заметно будет.

Глаз медленно приоткрывался, словно и на свет смотреть не хотел. И верно, мало хорошего на свете, товарищи, особенно если вас так стукнуть.

– Мойся, Капка, да садись поешь, я сейчас лепешек дам. С вечера тесто ставила.

² Манкировать – здесь: небрежно относиться к чему-либо.

– Некогда мне твоих лепешек дожидаться, и так чуть не проспал. Говорил, вовремя буди! – Капка старался не поворачиваться к сестре правой скулой.

Рима ушла в сени. Он вскочил с отцовской кровати, вытащил из-под матраца аккуратно сложенные, чтобы прогладились за ночь, брюки, пошел умылся. Глаз не то чтобы болел, но был легонько.

Проснулась маленькая Нюшка, села на кровати:

– Я уже поспала... Рима, а лепешки будешь печь? Мне сколько дашь?

– Иди умойся сперва! – крикнула из сеней сестра.

– А почему Капка не умывался?

– А я умылся.

– Ну да, а у самого под глазом черное совсем.

– Нюшка, битой будешь, предупреждаю! – пригрозил вполголоса Капка.

– Не мылся, не мылся!

– Да раз не отмывается, – проворчал Капка. – Это кислотой попало.

Вошла с чайником Рима:

– Капка, глаз-то, вот так да! Это как же?

– Сказал, кажется, ясно: кислота. Ну, мне идти время.

– Глаз-то смотрит? – озабоченно спросила Рима, заглядывая в лицо брату.

Капка прищурил здоровый глаз и посмотрел ушибленным.

– Глядит. Полная видимость.

– Ты хоть в зеркало взгляни, какая у тебя видимость!

– Некогда мне по зеркалам смотреть, это твое занятие главное.

– Да, а у самого вон что я вчера подобрала, из кармана выпало.

Капка увидел в руках у сестры маленькое зеркальце-книжку. Он подскочил к Риме:

– Дай сюда сейчас же и запомни на всю свою жизнь, что хватать его никто тебя не просит.

Учти это для твоей же пользы.

– Ну, с левой ноги встал! – сказала Рима.

Капка промолчал. Он налил в кружку кипятку и стал сердито макать туда пригорелый сухарь. Маленькая Нюшка, торопясь, напяливала на себя платице, путалась в рукавах, никак не могла выпростать голову и, зная, что брат спешит уйти, тыкалась изнутри в материю, лезла с вопросами:

– Капка, а когда ты мне фырчалку, чтобы сама крутилась, починишь? Ты обещал.

– Ладно, сделаю. Погоди.

– Нюшка, – послышался из сеней голос Римы, – ты в тесте ковырялась? Кто же это у меня разворачал все тут?

– Рима, я правда не лазила, ей-правду, не лазила! – заспешила Нюшка, выбравшаяся наконец головой из ворот.

– Это, может, я, – признался Капка, уткнувшись в кружку.

– Кто же тебя звал туда лазить?

– Это я ночью на глаз лепешки клал вроде примочки.

Горело очень. Я клал сперва тряпку мокрую, а она больно быстро сохнет; а тесто хорошо: долго сырое. Я хотел обратно потом в квашню, да заснул.

– И не совестно тебе? Муки и так нет, а он...

– Чего ты привязываешься сегодня ко мне все утро! – рассердился Капка. Он был не в духе. – Уйду вот от вас в общежитие, и существуйте тут одни без меня. Не дадут человеку поесть толком! – Капка, нагнувшись, собрался было утереть рот углом скатерти, но Рима выдернула ее из-под рук. – Обойдусь без твоих лепешек, не помру.

Он встал и большими пальцами обеих рук заправил складки гимнастерки под пояс назад, поправил пряжку с буквами «РУ».

– Капка, – попросила Рима, – ты поколи дров мне, а я воды наношу. Постираться хочу сегодня. Да, еще тетя Глаша вчера примус принесла. Иголка застряла, а у тебя магнит есть. И

от Маркеловых костыль притащили. К ним сын вернулся, перекладинка отскочила. Ты почини, Капа.

– Ладно, вечером, как с работы приду, сделаю. Ну, где дрова? Давай колун, да живей, а то опоздаю.

Рима разжигала чурки, сложенные на шестке под маленьким таганком³. Она чиркнула зажигалкой, из-под пальца метнулись остренькие искры, похожие на раскаленные гвоздочки. Щепки были сырые, не разгорались.

– Стой, дай-ка сюда, – сказал Капка, увидев зажигалку. – Это ты откуда взяла?

– Лёшка дал, Дульков.

– Так, – промолвил Капка и положил зажигалку в карман.

– Капитон! Это, кажется, не тебе подарили.

– Ты-ы-ы, – с уничтожающим презрением проговорил Капка, – привадила долговязого! Надо иметь все-таки понятие, у кого берешь!

– Не знаю я всех ваших делов.

– «Делов»! Семилетку кончаешь, а говорить, как правильно, не знаешь.

– Ну дел, все равно.

– Нет, не все равно. Он в Затоне у нас медь ворует, на базаре чиркалками торгует. Гнус он, спекулянт вредный, а ты его приваживаешь.

– Ну и не твоя забота!

Капка, который был уже в сених, вернулся, медленно подошел к сестре. Маленький, плечистый, он смотрел на красивую рослую сестру снизу.

– А чья же еще забота? Скажи! Ну? Отец что наказывал, когда уезжал? Ты это помни. А с сюрпризом этим простись.

Он вынул из кармана зажигалку, пальцем провернул колесико, зажег, плюнул на огонь, повертел перед лицом Римы и сердито сунул в карман.

Вскоре со двора послышались глухие удары. Это Капка колот дрова. Дрова попались сырые, суковатые, осина. Колун застревал, поленья разваливались нехотя, со скрипом. Но Капка, рассадив с размаху толстый чурбак, вогнав клин колуна по самую середину, по-мужичьи ухая, ловко разваливал самые кряжистые и упрямые поленья.

Но вот дрова переколоты. Нюшка подобрала приглянувшиеся ей щепочки.

– Рима, я пошел.

И Капка, надев фуражку и шинель, перепоясавшись поверх хлястика кушаком с латунной бляшкой, отправился в Затон на свой Судоремонтный.

³ Таганок – от таган – металлический обруч на трех ножках, служащий подставкой для котла или чугуна при приготовлении пищи на открытом огне.

Глава 6

«Испытайте ваши нервы»

День был свежий, с Волги дул резкий ветер. Еще не подсохла весенняя грязь. На пустыре стояли большие лужи. В них отражались тягучие облака и синие просветы неба.

Из одной лужи пила курица. Попив немного, она всякий раз закидывала вверх голову, словно каждый глоток заучивала наизусть. Капка присвистнул и вспугнул курицу. Она шарахнулась, растопыря крылья. Капка прошел через пустырь. В стороне остался школьный сад. Галочки гнезда темнели в еще сквозной путанице недавно обзеленившихся ветвей. За кирпичной оградой сада, чем-то крайне обеспокоенные, галки то и дело срывались стасей с деревьев и, крича, носились над парком. В саду пропела какая-то незнакомая дудка. «Что это, пионеры, что ли? – подумал Капка. – Не похоже что-то. Рань такая, и галки разорались...»

Потом ветер донес сдвоенные удары колокола. Звон был тоже незнакомый. Капка даже приостановился, вслушиваясь. Будто склянки бьют, как на пароходе. А с пристаней сюда не слышно. Но Капке было некогда разузнавать, что все это значит. Ему надо было еще заглянуть на базар. Капка свернул в переулок, а потом перешел на другую сторону, чтобы не проходить близко от сада, где жила презлющая старуха и не менее злопамятная собака. Отношения с обеими у Капки были испорчены еще с давней поры.

Но собака и старуха уже заметили спешившего по другой стороне Капку. Пес сварливо залаял, гремя цепью, ходившей по проволоке. Пес бегал, проволока гудела, словно трамвай шел. А старуха, грозя колючим кулаком через палисад, кричала Капке издали: – Иди, иди стонкой! Знаем мы вас, так и зыркают глазами, чего бы такое схватить!

Капка шел, не глядя в эту сторону и как бы не слыша крика. Соседка, выйдя из своей калитки, успокаивала старуху:

– Это ты, Митриевна, напрасно. Что ты его костеришь? Они, ремесленники, ребята старательные.

– Уж я знаю, какие старательные, – не унималась старуха. – Вчера, скажи, глянуть не успела, а вот такой же «старательный» мигом полотенце с веревки и сдернул. А тоже при фуражке, и пуговицы казенные. Да сам здоровый такой, цельный мужик ростом, а как припустился!

(«Проклятый Лёшка! Верно, это он побывал тут!»)

Вот и базар. Час был ранний, народ пока только собирался. Длинные тени тянулись от возов. Базар еще был чистым, не замусоренным. Ветер гнал пучки сена между пустовавшими пока рядами. Но уже сидел близ дороги рябой, коротко стриженный слепец, вперив свой незрячий взор в поднимавшееся солнце. Слепца окружали тихие бабы. Одна из них качала головой в такт словам слепого, который медленно водил пальцами по выпуклым знакам на странице гадальной книги.

– Ожидается ему вскоре подполнение жизни, – говорил певучим голосом слепец, – и выходят ему при большой награде благополучные обстоятельства.

– А сам-то живой, здоровый? – спрашивала баба.

– Книга на сие отвечает, что можете иметь надежду и судьба придает счастливое свидание, если не выйдет исход фортуны.

И, слушая эти туманные предсказания, кивала бедная баба головой и крестилась:

– Ну, слава тебе господи! Спасибо, дорогой.

Уже хлюпала где-то, пиликающая и подтягивающая, шарманка. Эвакуированный из Ялты чистильщик сапог уже успел развернуть свой полотняный зонт с фестонами над высоким стулом красного бархата и присел на скамеечке подле ящика, на котором под деревянным сле-

дом был звонок, что было новинкой в Затонске. Мальчишки молчаливой толпой окружали чистильщика, который уже прошелся алой бархоткой по сапогам какого-то лейтенанта, хлопнул щеткой о щетку, перевернув, сложил их и, ударив по рычажку звонка, возвещая конец сеанса, небрежно бросил скомканную трешку в ящик, снова звякнув при этом.

Но Капке некогда было любоваться работой мастера, хотя только что на красный бархатный трон взошел человек в ярко-желтых, совершенно желтых ботинках и мальчишки замерли, предвкушая роскошное зрелище.

Встретился лоточник, веселый, разбитной, как всегда изумивший Капку своим красноречием. Удивительно легко и гладко получалось у него: «Имеется, граждане, курительная бумага на закурку для махорки, марки почтовые, заколки для женского персонала, годится бумажка на оберточку для пудры и для других надобных целей, марки кому угодно, художественные открытки с видами роз и цветов». Но не до цветов и видов было Капке. Не остановился он и у замечательного сооружения, около которого сидел интеллигентный старичок в соломенной шляпе. Полукруглый циферблат венчал высокую деревянную колонку, дрожала стрелка-егоза, вились зеленые провода, висели по бокам две ручки, какие бывают на детских скакалках. И надпись гласила: «Испытайте ваши нервы». А снизу была прибита еще одна дощечка, и на ней значилось: «Аппарат изобретен Эдисоном, безвреден для здоровья. Только один рубль».

Конечно, это было очень соблазнительно. Всего лишь один рубль! Чистая выгода: всего лишь за один рубль узнать, какова у тебя выдержка и на что ты годишься. Но Капка не остановился и здесь. Ему предстояло в этот день более серьезное испытание нервов, чем на аппарате Эдисона, вполне безвредном для здоровья.

Капка отправился туда, где сбывали с рук всякие случайные вещи. Здесь какие-то темные личности в некогда военных стеганках и пилотках без звездочек торговали махоркой, пробками к электрическим счетчикам, примусными иголками, телеграфными фарфоровыми роликами. Здесь можно было купить случайно щипцы для завивки волос, старый велосипедный насос, ванночку для промывания негативов, спиральку для электрической плитки, старый пугач и всякий иной ржавый технический хлам.

Прежде Капка частенько заглядывал сюда в поисках нужной гайки или шурупа, которого не доставало в сложном Капкином хозяйстве. Руки у Капки были золотые, и он сам вечно мастерил то детекторный радиоприемник, то флюгер с вертушкой, то чинил звонок, исправлял керосинку «Грец» или какой-нибудь другой аппарат домашнего обихода. Но сегодня Капка зашел сюда не как покупатель. Долговязого Лёшку, позор и несчастье всей бригады, Лёшку Дулькова хотел поймать тут с поличным Капка Бутырёв – вожак фронтовой бригады ремесленников, которая недавно еще значилась в графе под *самолетом* на доске соревнования, а сегодня из-за проклятого Лёшки едва не оказалась под *велосипедом*.

Известно было, что Лёшка Дульков в свободное время слонялся здесь, на базаре, промышляя чем попало, от срезанного им где-то выключателя до зажигалок, которые он искусно мастерил из краденной на заводе меди.

Вчера, когда шит соревнование, выставленный на заводском дворе, окончательно обесславил Капкину бригаду, с Лёшкой было крепко поговорено на собрании в самом высоком стиле и затем растолковано в более крепких выражениях за воротами завода. Лёшка прикинулся больным: и так, мол, он пострадал на производстве – у него нарывает палец, поврежденный резцом. Он заявил, что уйдет на бюллетень. И действительно, палец у Лёшки распух и потемнел, потому что он его чем-то искусно растравил. И вот теперь Капка был уверен, что встретит здесь своего нерадивого бригадника. Так и вышло. Капка сразу увидел в толпе долговязую фигуру не по годам вытянувшегося Лёшки Дулькова.

Но Лёшка тоже сразу заметил своего бригадира и, выхватив из рук оторопевшего покупателя новенькую зажигалку, живо упрятал ее под полу шинели и пытался скрыться в толпе.

Капка бросился за ним и быстро настиг.

– Дульков, что так спешишь?

Дульков остановился, не оборачиваясь, посмотрел через плечо на маленького Капка.

– А чего мне спешить, я на бюллетене. Палец, понимаешь, нарываёт. Всю ночь, понимаешь, дергало так, прямо терпежу нет.

– Да ну-у? – иронически протянул Капка.

– Вот тебе и «ну». Доктор говорит, придется, понимаешь, вскрытие делать.

– Вскрытие только покойникам делают, – мрачно сказал Капка, – а ты еще заметно живой. Я лично еще не замечал, чтобы покойники зажигалками торговали.

– А кто торговал? Ты видел? Докажи.

– Ох и гнус же ты, Лёшка! – медленно, негромко, от всего сердца сказал Капка и пожалел, что дело происходит не во сне, где можно было бы дать волю рукам.

Он отвернулся, чтобы не глядеть на долговязую, нескладную фигуру Лёшки, не видеть его маленьких нагловатых, а сейчас с деланой обидой моргающих глаз.

– Чего вы ко мне все прицепляетесь! – заговорил Лёшка своим писклявым, очень не вяжущимся с высокой фигурой голосом. – У меня и так покоя нет, палец донимает, а тут еще ты привязался, как болячка! Ну вас, на самом деле! *Отец, отец, оставь угрозы...*

Лёшка Дульков любил неожиданно щегольнуть литературным оборотом речи. Для этого применялись им ни к селу ни к городу подписи под иллюстрациями в собрании сочинений Лермонтова. Самой книги Лёшка, конечно, не читал, но то, что было напечатано под картинками, запало ему в голову, и, надо не надо, он пускал в ход: *Вы странный человек!.. Так вот все то, что я любил!.. О други, это мой отец...* „Мне дурно“, – проговорила она... *Блеснула шашка. Раз, – и два! И покатилась голова...* Ходуля вполне обходился этими познаниями.

– Слушай, Лёшка, – произнес Капка, и голос у него был такой, что Лёшка сразу замолк. – Слушай, Лёшка, я не доктор, болячки твои под микроскоп класть не собираюсь, но только скажу тебе, чтобы ты сегодня же был у места, а не то жить тебе на свете будет очень даже тошно. Это я тебя честно предупреждаю.

– Не ты ли уж мне эту повесточку прислал? – сказал вдруг Лёшка, вынимая из-за пазухи скомканную бумажку и расправляя ее.

Капка увидел в уголке бумажки радужный лук и стрелу. Он плотно сжал свой маленький крепкий рот.

– Какие-то еще синегорцы мне грозятся, про то да се пишут, корят, стыдят... *«Мне дурно»*, – проговорила она... Нечего незнайку строить!.. Твоих рук дело, ваша браш#ка работает?

– Стану я на тебя бумагу тратить! – сказал Капка. – И ты мне зубы не заговаривай, Лёшка. Чтoб был на заводе, и всё. Да, погоди, – остановил он двинувшегося было Лёшку. – Ты вчера у сестры, видно, забыл, так возьми. – И он протянул ему зажигалку, взятую у Римы. – Твоя?

– Ну моя, – пробормотал Лёшка.

– Нá, забирай, – сказал Капка, – и не приваживайся.

Ходуля в нерешительности повертел в руках свою зажигалку, не зная, спрятать ли ее скорей в карман, или еще поломаться немножко.

– Взял бы, – протянул он, – пригодится все-таки. *Вы странный человек!..* – добавил Лёшка напыщенно.

– Обойдемся, – ответил Капка.

Тут Лёшка впервые за весь разговор рискнул посмотреть Капке в лицо, заметил с удовольствием отек под глазом и не удержался.

– *Висит скелет полуистлевший, из глаз посыпался песок*, – сказал он насмешливо. – Зачем тебе зажигалка, когда свой фонарь под глазом! Где это тебе колотовка была? Аж закуривать можно.

Капка до хруста сжал кулаки. Эх, если бы он не был бригадиром...

– Давай, Дульков, про то не будем, – глухо проговорил он, – а то как бы на тебя самого не отсветило.

– А я тут при чем? Докажи.

– Я на тебя не доказываю, – спокойно сказал Капка. – Ты свое знаешь, и я свое знаю.

– Ну вот, оба знаем – и хорошо.

И они разошлись: Лёшка – в одну сторону, Капка – в другую. Он не видел, как из толпы вынырнули трое парней и подошли к Ходуле.

– Чего он? – спросил один из них, с изрядно вспухшим носом.

– На завод велел идти.

– Так ты же на бюллетене.

– Мало ли что. Грозился чего-то, верно, прознал.

– А чем докажет?

– Это верно. А здорово, видно, ему вчера вклеили! Глаз-то как чугунок.

– Это его Бирюк так.

– Я, – скромно признался тот, кого называли Бирюком.

Губа у него была рассечена. На лбу справа набрякла хорошая шишка: верно, Капке вышло вчера под левую...

Они не видели, как сторонкой за ларьками прошли два мальчугана в пионерских галстуках. Один был маленький, с нежным лицом и большими глазами. На нем были деревянные сандалии-стукалки и тюбетейка. Другой – тяжеловесный, плечистый, очень рослый, с большим пухлым ртом. Пока шел разговор Капки с Ходулей, эти двое все время стояли в стороне, за ларьком, готовые вмешаться при первой же необходимости. Теперь, никем не замеченные, они продолжали издали следить за Капкой.

Глава 7

Твердая рука

Вот он идет по берегу в черной фуражке, сверкая серебряными пуговицами на длинной, не по росту, шинели.

– Гей-тя-тьё-оу! – кричат ему из воды мальчишки. У них красные с синевой тела. Вода еще очень холодна, а купальщикам уже не терпится. – Капка, гляди!

И мальчишки ныряют, показав пятки. Капка, не глядя, спешит на работу.

День начался правильно. Все идет, как намечено. Вот уже протрубил первый гудок на Судоремонтном, надо прибавить шаг. Проехала длинная машина ЗИС – за товарищем Плотниковым, секретарем горкома. Разбрызгивая лужи, мелькнула за углом черная «эмка» с начальником Затона.

Промчался военный комендант на зеленом газике. Затарахтел по мостовой тарантас – это поехал директор Судоремонтного завода. Посыльный проскакал верхом. Бухгалтер из заводской конторы, степенно объезжая лужи, прокатил на своем велосипеде, держа портфель у руля. Серёжа, знакомый паренек, пронесся вниз по взвозу на самодельном ролике. Верхом на хвостине, волоча ее через лужи, заноса немного вбок и нахлестывая кнутиком, проскакал до бровей измазюканный в глине малыш, похожий на маленького кентавра из Риминий книжки. Он сам погонял себя, гикал, ржал и бил пятками по мутной воде.

И только Капка шел совсем пешком. Верхом на палочке он, ясное дело, уже давным-давно не ездил. На самокате прокатиться Капка был бы не прочь, но не к лицу бригадиру фронтовой бригады ремесленников скакать на одной ножке при всем честном народе. Вот если бы велосипед, когда-то обещанный отцом... Со звонком, фонариком, педальным тормозом, насосом и багажником... Но где уж в военное время думать о велосипеде, когда Риме скоро и пешком-то ходить будет не в чем!

Капка взялся за козырек и, сдвинув фуражку слева направо и обратно, несколько раз потер ею лоб, что было у него признаком глубочайшей и невеселой задумчивости.

Да, забот хватало. Много их легло ему на плечи. За все отвечал он, Капка, – и на заводе, в бригаде, и дома. Недаром соседки, носившие чинить ему ходики, примусы и плитки, говаривали: «Все-таки как-никак мужские руки в доме».

А горе пришло в дом Бутырёвых в первый же год войны. В мае сорок первого года мать уехала под Белосток проведать заболевшую сестру, которая там работала. И больше Капка не видел матери. Потом какие-то люди написали, что мать вместе с другими беженцами шла пешком по шоссе и на них в жаркий полдень среди поля спикировал немецкий самолет и сделал один заход, а потом второй и третий. И на третьем заходе пулеметной очередью в упор скошил мать. В семье уже давно подозревали, что с матерью что-то неладно, но, когда пришло то страшное письмо от незнакомых людей, на руках у которых умерла мать, с горя словно заново содрали кожу, и оно зазияло всей своей безнадежной достоверностью. Когда отплакались, отец сказал хриплым, незнакомым голосом: «Им же хуже: злее будем». И вскоре уехал на фронт, хотя у него была броня на заводе и его сперва не хотели отпускать. Было непривычно видеть, как этот коренастый, прежде веселый, добродушный человек, внезапно осунувшись, твердил: «Нет, не уговаривайте, мою беду только ихней кровью оттереть можно, и вы мне не доказывайте...» И наверно, беда долго не оттиралась, велика была обида и крепко томило горе этого славного человека, потому что уже через полгода был он награжден двумя орденами и медалью за неистовую отвагу в бою. Был он и у партизан, отличился под самой Москвой, потом сражался у Воронежа. Но вот уже четыре месяца не приходило писем, и Рима с Капкой старались не говорить про отца при маленькой Нюше.

В первую осень войны Капка пошел в ремесленное училище. Теперь ему уже дали четвертый разряд – он работал фрезеровщиком на Судоремонтном заводе в Рыбачьем Затоне. Тут чинились небольшие волжские пароходы, нефтеналивные баржи, ледоколы, землечерпалки. Капка перенял страсть отца ко всякому техническому ремеслу. Руки у Капки были действительно золотые. Он и прежде мог мастерить всякую всячину. Мастер Корней Павлович Матунин сразу отметил старательного и ловкого в деле паренька.

– В отца идешь, в Василия Семёныча, – говорил мастер. – Соображение у тебя, Бутырёв, имеется.

Капку никто не называл Капитоном Васильевичем, как иногда называют с полушутливым уважением хорошо работающих авторитетных ребят. В этом всегда есть чуточку снисходительного умиления. А Капку в училище и на заводе уважали по-настоящему, всерьез, без лишних ахов.

«Работник!» – говорили про него. Только ростом он был еще очень мал, да и годами еле еле вышел для училища.

Не в меру длинная шинель стегала его по пяткам. Издали казалось, что движется большая черная кадка, из которой торчит голова в фуражке. Но, когда дразнили его, мастер Корней Павлович Матунин останавливал задир:

– Шинелка, конечно, маленько свободна, а насмешки ни к чему. У Бутырёва все на рост покроено – и шинелка, и работа сама. Все чуток не по годам, чтобы развитию простор был. Ничего, подрастет – догонит, войдет в размер. Обуживать такого нет расчета... А ты не слушай их, Бутырёв, шагай себе.

И Капка шагал.

Он шел сейчас, искоса поглядывая на свою тень, которая стала короче, так как солнце уже довольно высоко поднялось над Затонем. Хозяйки шлепали бельем по воде у мостков. Рыбаки возвращались на *исады*⁴ после утреннего осмотра *вентерей*⁵, и длинные остроносые лодки глубоко сидели в воде. Видно, богатый был улов. На берегу у Клуба водников знакомые мальчишки играли в городки. Капка невольно замедлил шаг. Когда-то он был непобедим по этой части. Мало кто в Затоне имел такой точный удар и мог с одной биты выбить *бабушку в окошке*, или *покойника с попом*, или *паровоз со стрелочником*, или *пушку*, не завалив при этом ни одной чурки. Но теперь ему было не до этого: время пришло серьезное. Некогда бросаться палками, да и поотстала, верно, рука, отвык глаз, нет уже, должно быть, прежней точности.

Когда Капка поравнялся с площадкой, где ребята играли в городки, там как раз была выложена самая трудная фигура – *письмо*. Четыре чурки, называвшиеся *марками*, лежали по углам квадрата, а одна стояла посередине городка. Это была *печать*. Капка с насмешливым сожалением глядел на игрока, который прокинул даром уже третью палку и только одной чуточку зацепил левую переднюю *марку*, что, по правилам игры, не считалось, так как сперва надо было выбить задние *марки*. Времени оставалось уже в обрез, надо было спешить. Но тут Капка не выдержал.

– А ну-ка, дай я *распечатаю*, живо только, – сказал он, подходя к играющим.

Мальчишки разом бросились собирать для него биты. Все знали, каким игроком был когда-то Капка Бутырёв. Капка расстегнул пояс, потом шинель. Пояс бросил на землю, чтобы замах был свободнее, шинель спустил с левого плеча, ибо был он, как вам известно, левшой. Прикинул на руку несколько бит, одну за другой, выбрал сперва самую тяжелую, прицелился, держа палку двумя руками, как ружье. Потом, измерив расстояние до цели одним глазом, благо другой и закрывать особенно не приходилось сегодня, он резко отвел левое плечо назад, занеся биту далеко за спину, отступил и, коротко шагнув вперед на черту, с силой метнул. С порхаю-

⁴ Иса́д – здесь: место высадки на берегу, пристань.

⁵ Вёнте́рь – рыболовная ловушка в виде сужающейся мешкообразной сети, натянутой на обручи.

щим свистом понеслась бита к городку, раздался звонкий, будто на ксилофоне, удар – клёк! – и одной *марки* как не бывало. Не сходя с места, Капка нагнулся за второй битой, прицелился, отступил, шагнул. Мальчишки рты раскрыли от уважения. Исчезла вторая, задняя, *марка*.

Клёк!.. Клёк!.. Одна за другой Капкины биты выхватили из углов городка две передние *марки*. Теперь оставалась одна лишь *печатка*. Но это было уже нетрудное дело, и Капка, уверенный в успехе, решил блеснуть особым ударом. Он метнул биту с оттяжкой, так, что она полетела, вертясь на лету, как бумеранг. Искусство здесь состояло в том, чтобы рассчитать точно вращение биты, которая, казалось, сперва летела как бы с промашкой и вот уже словно миновала цель, но в самое последнее мгновение, развернувшись в воздухе, задним концом своим выбивала чурку из городка. Причем трудность была еще в том, что, если бы чурка выкатилась за переднюю черту, удар был бы недействительным. Но удар был на славу, и *печатка* далеко отлетела в сторону, так что мальчишки, стоящие там поблизости, чтобы видеть своими глазами эту чудо-игру, присели: свистящая чурка едва не задела их по головам.

Капка обил ладонь о ладонь, сунул левую руку в рукав, застегнул шинель, стянул ее кушаком и зашагал к заводу, провожаемый восхищенными взорами мальчишек. Каждый из них видел, какая гуля была у чемпиона под глазом, но никто не спросил об этом у Капки, и только в душе ужасались мальчишки, какие же есть на свете силачи, если они осмелились поднять руку на та кого парня, как Капка Бутырёв.

Глава 8

История города Затонска и его окрестностей

Когда Капка скрылся в проходных воротах завода, слева, из-за опрокинутого дощаника на берегу, и справа, из-за угла амбара, высунулись две головы. Они тотчас исчезли. Потом над дощаником заблестело и кинуло зайчика в сторону амбара маленькое зеркальце. Из-за угла амбара вышел высокий парень, толстый и круглоголовый, и, тяжело, по-медвежьему ступая, слегка переваливаясь, зашагал навстречу мальчугану в тюбетейке, который тут же перелез через дощаник. Они двинулись посередине улицы, ведущей к заводу.

– Видел, Тимка, как ему присадили под глазом? – спросил маленький.

– Есть будто, – буркнул большой. Вопрос был ему явно неприятен.

– Как же это ты вчера недосмотрел? А сказал – провожу. Эх ты, Тимсон!

– А если он мне не велел!

– Мало ли что! Надо было сторонкой идти, незаметно.

– Ладно, в следующий раз пусть только полезут еще.

– «В следующий раз»! – кипятился маленький, развязывая и завязывая тесемки над папкой, которую он прижимал локтем к боку. – Жди теперь! Что # они тебе, каждый день будут, что ли?

– Ничего, еще попадутся мне, – проворчал большой, которого товарищ назвал Тимсоном.

Это и были Тимка-Тимсон с Валерием Черепашкиным, которого попросту звали Валерка. Валерий Черепашкин занимался в историческом кружке затонского Дома пионеров. Он не расставался со своей папкой, в которой вечно таскал дневник для *собственноумных мыслей* и общую тетрадь, куда заносилась «История города Затонска и его окрестностей», ибо Валерка Черепашкин был историком города Затонска и аккуратно записывал в свою памятку все выдающиеся события и явления и интересные случаи, которые были в городе. Впрочем, событий пока что было немного, и это очень удручало Валерку.

Отец у Валерки работал механиком на теплоходе, и всю навигацию его не было дома, а мать служила библиотечаршей в Клубе водников. Маленький историк города Затонска был человеком начитанным, ибо хватал без разбору все книги, которые ему удавалось достать у матери. Был он из тех ребят, о которых отцы обычно говорят: «Вы об этом моего Ваську (или Петьку, или Гришку) поспрошайте. Он уж это в точности вам изложит». И действительно, у Валерки всегда можно было узнать, что сегодня сообщает Совинформбюро – какое новое направление появилось на фронте, и что за картина будет завтра в кино у водников, и какой пароход придет из Астрахани, и у кого выиграл Ботвинник, и каков размах крыльев у южно-американского кондора. Он был очень тщедушный и часто прихварывал. Его мучили приступы малярии, но это не мешало ему быть очень живым, подвижным, хотя в драке он мало чего стоил – слишком легко его сбивали с ног. Валерку обычно и не допускали до крепкого дела. Перед началом схватки ему обыкновенно сдавали на хранение карандаши, перочинные ножички, вставочки, чтобы не потерять или не повредить их в бою. Зато был Валерка невероятный фантазер и выдумщик. Ему вечно приходили в голову необыкновенные затеи, и если уж он над чем-нибудь задумывался, то непременно старался сам найти решение вопроса, а когда затевал что-нибудь, то обязательно упрямо и неукоснительно добивался своего. Мальчик он был мечтательный и безобидно озорной. В школе и Доме пионеров его любили, так как он вечно всех забавлял своей выдумкой, неожиданными, часто странными суждениями и сказками своего собственного сочинения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.